

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
РАССУДОК
МАНЬЖКА

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Рассудок маньяка

«PEN-клуб»

1998

Абдуллаев Ч. А.

Рассудок маньяка / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1998 — (Дронго)

В одном из московских НИИ происходят странные события. Убийство молодой сотрудницы, кажущееся работникам правоохранительных органов простым до примитивности, оказывается лишь первым в цепи деяний загадочного преступника, словно действующего по определенному плану. Дело рук маньяка-убийцы? Возможно. Но... агент Дронго, который занимается расследованием этого дела, почему-то уверен – убийца всего лишь работает под маньяка. Убийца преследует некую цель. Но – какую?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чингиз Абдуллаев

Рассудок маньяка

*Отчего я должен нести на себе все! Отчего все ложится на плечи!
Весь страх, вся вина, все содеянное вами! Отчего вся пролитая вами
кровь вопиет во мне, чтобы я никогда не знал покоя! Проклятия злодеев
и жалобы безвинных жертв – отчего моя злосчастная душа должна
страдать за вас!...Запах вашей крови будит во мне тошноту, давит на
меня неискупаемостью вины! Ваши судьбы я должен тащить на себе,
вашей дорогой я должен идти неустанно, между тем как вы давно нашли
отдых от деяний своих в могиле!*
Пер Лагерквист. «Палач»

Глава 1

Телефонный звонок раздался неожиданно. Дронго читал последние страницы нового романа Пола Андерсона, когда прозвучал этот звонок. Сработал автоответчик, специально включавшийся при каждом звонке, чтобы находившийся в доме хозяин мог слышать, кто к нему звонит. Как правило, он не отвечал на звонки и различные предложения, которые к нему поступали. Но почти всегда заносил информацию в память своих компьютеров, предпочитая тут же забывать о назойливых абонентах. Но в этот день все произошло иначе. Его насторожил голос позвонившего.

– Добрый день, – сказал автоответчик женским голосом, – вы можете оставить свое сообщение, и вам перезвонят. Начинайте говорить после звукового сигнала.

– Добрый день, – раздался нерешительный голос, – это говорит ваш старый знакомый академик Архипов. Мне как-то не очень удобно называть вас этой кличкой Дронго. Я привык обращаться к вам по имени-отчеству, хотя знаю, что вы не любите, когда вас так называют. Тем не менее я прошу вас позвонить мне, когда вам будет удобно. Если, конечно, вы сочтете возможным со мной связаться. И если вы находитесь в Москве. У нас очень сложное и серьезное дело, и мне нужна ваша консультация. Или даже так – ваша помощь. Вы знаете мой телефон, но если вы его вдруг потеряли или записывали, то я вам продиктую его. Позвоните в любое удобное для вас время. Извините за неожиданный звонок.

Сообщение кончилось. Дронго включил его повторно. Выслушав еще раз слова академика, он подошел к окну, лбом прислонился к стеклу. Архипов не стал бы беспокоить его по пустякам. Он слишком ценил и свое время, и время своих собеседников. Значит, произошло нечто действительно очень важное и, судя по всему, неприятное. Дронго решительно повернулся к телефонному аппарату. И, подняв трубку, набрал номер домашнего телефона академика Архипова. На часах было около восьми часов вечера. Трубку взял сам академик.

– Добрый вечер, – поздоровался Дронго, – хотя я знаю, что для вас это все еще середина дня. Ведь обычно вы работаете до трех-четырех часов утра.

– Добрый день, – обрадовался Архипов, – я ждал вашего звонка. Спасибо, что вы позвонили. Я очень боялся, что вас не будет в городе.

– Что у вас случилось? Вы сказали, что нужна моя помощь.

– Очень нужна. Мне крайне неловко вас беспокоить, но мне кажется, что это как раз тот самый случай, когда можно обратиться к вам за помощью. Простите, но у нас очень большие неприятности.

– Надеюсь, у вас, а не у вашего коллеги.

Оба собеседника знали, о чем идет речь. Те неприятности, о которых он говорил, произошли в научном центре в Сибири, в небольшом поселке Чогунаша. Имело место крупное хищение материальных ценностей, и приехавшему эксперту пришлось заниматься поисками не только виновников случившегося, но и похищенных грузов.

– Нет, нет, – торопливо сказал Архипов, – на этот раз нужна помощь совсем иного рода. Слава Богу, ничего похожего у нас случиться не может.

– Но все действительно так серьезно?

– Очень. И это не телефонный разговор. Простите, что я вас беспокою, но мне кажется, что, кроме вас, никто вообще не сможет нам помочь.

– Хорошо. – Он знал, что академик не имеет склонности к преувеличению. Это был прагматик, привыкший к рациональному мышлению и строгой логике фактов. Раз Архипов позвонил ему и просит срочно помочь, то совершенно очевидно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Я все понял, – коротко ответил Дронго, – у нас есть еще время?

– Боюсь, что нет.

– Тогда я буду у вас завтра утром. Или мне нужно приехать немедленно?

– А вы можете? – уточнил Архипов.

– Думаю, что да, – он задумчиво потер подбородок. – Нужно только побриться, – и если вы скажете мне ваш домашний адрес, я буду у вас через полчаса.

– Я живу на Кутузовском проспекте. Запишите номер дома и код на замке в подъезде.

– Диктуйте, – улыбнулся Дронго. Очевидно, академик понял свой промах.

– Да, – сконфуженно сказал он, – я тоже никогда и ничего не записываю.

Он продиктовал цифры и на прощание чуть виноватым голосом добавил:

– Спасибо. Я вам очень благодарен. Простите еще раз, что беспокою, но это как раз тот случай, когда можете разобраться только вы. Мне кажется, что мы столкнулись с чем-то невероятным. Я очень рассчитываю на ваши способности.

– Надеюсь, они пригодятся. До свидания.

Он положил трубку. Интересно, что у них могло стрястись? Столь неожиданное и неотложное, что деликатнейший Архипов решился позвонить ему вечером и даже настаивать на приезде. Он посмотрел на часы. Нужно побыстрее собраться. Судя по голосу академика, это необходимо.

Ровно через полчаса, успев по дороге купить букетик цветов, он уже звонил в дверь Архипова. Почти сразу в коридоре послышались быстрые шаги, и сам хозяин дома встретил его на пороге. Архипову было под семьдесят. Высокий, все еще сохранивший прежнюю красоту мужчина, сколько Дронго его помнил – он был сед. Испортив себе зрение еще в молодости, он постоянно ходил в очках. Запоминающееся лицо Архипова довольно часто мелькало на экране телевизора в различных передачах о науке и ее успехах.

– Надя! – воскликнул Архипов, увидев роскошный букет. – Ты только посмотри, что принес нам наш гость.

– Обычный букет, – смущенно буркнул Дронго.

В большой просторный холл вышла хозяйка дома. Ей было лет шестьдесят, хотя выглядела она гораздо моложе своих лет, все еще сохраняя стройную фигуру, не сдавшуюся под натиском возраста. При виде букета она всплеснула руками и, сияя улыбкой, понесла цветы в ванную.

– Идите в гостиную, – пригласила она, – будем пить чай. Но сначала напою цветочки.

– Нет, – возразил Архипов, – лучше мы сначала пройдем в мой кабинет, а уже потом будем пить чай. Хотя знаешь, что. Принеси нам чай в кабинет.

– Хорошо, – согласилась супруга.

Дронго прошел в кабинет хозяина дома. Книжные полки выстроились правильными рядами снизу доверху. В этом доме явно господствовал культ книги. Навстречу Дронго поднялся невысокий плотный мужчина с ровным лысым черепом, словно специально выточенным неким кудесником. По форме его череп напоминал идеальный бильярдный шар. У незнакомца был тяжелый мясистый нос и большие, бросающиеся в глаза ушные раковины.

– Михаил Михайлович, – представился он, протягивая руку.

– Здравствуйте, – поздоровался Дронго.

– Это мой заместитель по хозяйственным вопросам – Михаил Михайлович Сыркин, – представил незнакомца Архипов, – он у нас отвечает и за режим на предприятии и вообще за нормальное функционирование института.

– Я думал слово «режим» уже вышло из употребления, – пошутил Дронго.

– Как видите, нет. Вы же знаете, что наш институт разрабатывает проблемы, связанные и с ядерной энергетикой. А это всегда предполагает наличие некоторых закрытых тем. Садитесь, пожалуйста, – предложил академик, показывая на глубокие массивные кожаные кресла, хранившие отпечаток былого благополучия.

– Спасибо, – Дронго сел в кресло.

В этот момент зазвонил телефон, и Архипов поднял трубку в своем кабинете. Очевидно, это был параллельный телефон. Архипов, извинившись, продолжил говорить, а Дронго тем временем с интересом осматривал ряды книжных полок.

– Хорошая библиотека, – констатировал он.

– Да, – согласился Михаил Михайлович. Книги явно интересовали его гораздо меньше гостя.

– Вы давно работаете с Архиповым? – спросил Дронго.

– Уже достаточно давно. Семь лет. Я очень много слышал о вас от Архипова, он рассказывал, как вы помогли им в Чогунаше. Да и на старом месте работы о вас тоже много говорили. Рукопожатие у него было довольно сильным. Дронго усмехнулся.

– Где вы работали раньше? Во внутренних войсках?

– Да, – удивился Михаил Михайлович, – откуда вы знаете?

– У вас почти военная выправка, но я не думаю, что меня могли знать и в армии. Скорее это внутренние войска МВД? Верно?

– Правильно, – заулыбался довольный Михаил Михайлович, – я вышел в отставку как раз в девяностом. Был полковником МВД. Успел побывать в нескольких горячих точках, когда меня комиссовали. Месяца четыре я был без работы, потом устроился в институт. И с тех пор работаю с Сергеем Алексеевичем.

– Что же у вас произошло?

– Ужас. Если бы мне кто-нибудь рассказал, я бы в жизни не поверил. Но это случилось... Хотя, пусть лучше вам все расскажет сам Сергей Алексеевич. А я добавлю, если понадобится.

В этот момент Архипов закончил разговор и, положив трубку, крикнул в другую комнату:

– Я занят. Меня не беспокоить, – после чего прошел к дивану, устроившись напротив гостя.

– У нас крупные неприятности, Дронго, – начал академик. – Вы знаете, как я не люблю беспокоить людей по пустякам, но случившееся в стенах нашего института настолько чудовищно и невероятно, что милиция и ФСБ, которые ведут расследование, вот уже несколько месяцев не могут ничего понять. А мне не хотелось бы, чтобы подобное преступление осталось безнаказанным.

– Вы можете рассказать все по порядку, – нахмурился Дронго.

– Конечно, все по порядку, – кивнул Архипов. – Все началось несколько месяцев назад. Как вы знаете, у нас режимный институт, и к нам посторонних просто не пускают. Во всяком случае, так нам казалось еще полгода назад. Но теперь мы просто не знаем, что думать. В

общем, несколько месяцев назад у нас начали появляться разного рода непристойные журналы, открытки. Мы вначале не обращали на это внимания. У нас много молодежи, казалось, что кто-то из ребят развлекается. Журналы начали находить в туалетах, в разных отделах. Стали появляться жалобы от женщин, сотрудники возмущались этими картинками, которые становились все скабрее, откровенная порнография буквально захлестывала нас. Это был удар для всего коллектива. Тогда мы считали, что это «работает» кто-то посторонний. Хотя вскоре стало ясно, что действует кто-то из своих. Словом, мы поняли, что в институте появился циничный хулиган.

Мы несколько раз собирали совещания, стыдили сотрудников, объясняли пагубность подобной заразы в коллективе. Все возмущались, проходило несколько дней, и все повторялось. Михаил Михайлович со своей службой устанавливал круглосуточные дежурства, увеличивал количество дежурных, даже установил в некоторых местах телекамеры, в общем, все, как обычно, но ничего не помогало. Мы даже послали журналы в лабораторию МВД, чтобы проверить по отпечаткам пальцев, кто мог это делать, но ничего конкретного установить не смогли. На них находились только отпечатки пальцев людей, нашедших журналы. И так продолжалось несколько месяцев. Пока...

– Пока не произошло убийство, – кивнул Дронго.

– Да, – не удивился Архипов, словно ожидавший, что его собеседник в конце концов догадается, – у нас произошло страшное преступление. Обычно по вечерам в некоторых отделах задерживаются сотрудники. В одном из отделов осталась молодая сотрудница, недавно перешедшая к нам на работу из другого института, – Архипов тяжело вздохнул, дотронулся до подбородка, потер его указательным пальцем и, как бы решившись, закончил: – Ее нашли убитой. Вот и все.

Он снова снял очки и взглянул на Дронго каким-то рассеянным, детским, беззащитным взглядом. Дронго молчал. Молчал секунд двадцать. Архипов надел очки и, понимая, что его собеседник ждет пояснений, продолжал рассказ:

– Это случилось три месяца назад. Мы были уверены, что сотрудники милиции или ФСБ сумеют довольно быстро раскрыть преступление. Тем более что в институт не мог проникнуть никто посторонний. Но прошло уже три месяца, а мы пока не имеем никаких конкретных результатов. Если не считать того факта, что сотрудники милиции почти сразу арестовали одного из наших ночных сторожей, имевшего судимость и скрывшего этот факт при поступлении на работу. Он сбежал в ту ночь с места преступления, и его искали целый месяц. Теперь уже два месяца держат в КПЗ и, как я подозреваю, требуют сознаться в убийстве. Но парень все отрицает. Две недели назад ко мне приходила его жена, она ждет ребенка, женщина умоляла меня ходатайствовать об освобождении мужа. Я успокаивал ее как мог, звонил и прокурору, и в ФСБ. Но они сказали, что пока проверяют все факты и ничего конкретного сказать мне не могут. Я объяснял прокурору, что наш охранник просто испугался, скрываясь от ФСБ, рассказал о семье арестованного, но они, похоже, не очень прислушались к моим словам.

– Вы решили, что маньяк не может иметь семью? – понял Дронго.

– Конечно. У молодого человека жена, они ждут ребенка, зачем ему убивать другую женщину. И тем более разносить такие картинки?

– У известного на весь мир Чикатило была семья, – напомнил Дронго, – которую он очень любил. Что не помешало ему совершить столько зверских преступлений. Другой маньяк помогал старой женщине, своей соседке, покупая для нее продукты.

– Не знаю, – смутился академик, – мне казалось, что это невероятно. Иметь жену, ждать ребенка и вот таким страшным способом убивать другого человека. Я не мог даже смотреть снимки убитой, такой это был ужас. Вот Михаил Михайлович смотрел.

– Десять раз ударил ножом, – кивнул Михаил Михайлович, – на ней места живого не было. И, видимо, хотел насильничать. Но это не наш Пашка. Он такое сделать не мог, это точно.

– Ну вот видите, – обрадовался Архипов, – я же говорю, что не он. Наш охранник не мог совершить подобного преступления. Это абсолютно доказано, но его все равно не отпускают из тюрьмы.

– Кем доказано? – не понял Дронго. Архипов посмотрел на Михаила Михайловича, давая ему возможность высказаться. Тот сразу же пояснил:

– Следователями ФСБ. Наш охранник заступил на смену в восемь часов вечера, а женщина была убита примерно в шесть-семь часов вечера. У Паши твердое алиби, он был с ребятами и приехал в институт в двадцать часов.

– Тогда почему его арестовали?

– Там были его отпечатки пальцев. На двери. Он, видимо, совершал обход, вошел в незапертую комнату и увидел убитую. Потом испугался и сбежал. Он так все и объясняет. Он боялся, что раскроется его первая судимость. Потом его достаточно долго искали, следователи, конечно, все хотят на него свалить, поэтому и требуют, чтобы он признался, что приезжал в институт до девяти часов вечера.

– Ясно, – нахмурился Дронго, – но давайте начнем все с самого начала по порядку. Когда точно начали появляться эти картинки и журналы?

– Примерно пять с половиной месяцев назад.

– Вы можете вспомнить точнее?

– Думаю, что нет. Никто не обратил внимания, когда они появились первый раз. Думали – шутка или кто-то просто забыл.

– Где забыл? – быстро спросил Дронго. – В каких туалетах они попадались? В мужских или женских?

– Сначала только в мужских, потом и в женских. Потом в отделах.

– Ясно. Кто была убитая?

– Наша сотрудница, – удивился Михаил Михайлович.

– Это я понимаю. Меня интересует, сколько ей лет, какую должность она занимала, ее внешность, откуда она пришла, как долго у вас работала, почему, по каким причинам задержалась, кто первым ее нашел.

– Ей было двадцать восемь лет. Довольно симпатичная. Алла Хохлова. Младший научный сотрудник. Незамужняя, разведена. Детей нет. Почему задержалась, мы пока установить не можем, но ее непосредственный руководитель вспомнил, что она просила разрешения задержаться, объясняя, что у нее есть работа. Какие еще вопросы вас интересовали?

– Кто ее нашел и откуда она к вам перешла?

– Нашел наш охранник. Мастуков. Его уже раз пять допрашивали в милиции и ФСБ. Он был напарником Паши в ту ночь. А наш Пашка, которого арестовали, клянется, что как только увидел убитую, так сразу вспомнил о своей скрытой судимости и поэтому сбежал. Собственно, Мастуков отправился в здание потушить свет в комнате, где было совершено убийство, и обнаружил убитую. Вы представляете, какое у нас у всех было состояние? У нас за столько лет даже ручки не пропадали со столов, – мрачно заявил Михаил Михайлович. – А тут такое преступление... Хохлова пришла к нам из другого института. Перевелась примерно месяцев восемь назад. Объясняла, что отсюда ей ближе к дому.

– А какая она была из себя?

– По-моему, ничего особенного. Моложавая, довольно изящная блондинка. Обычно ходила в джинсах. Убийца ударил ее десять раз ножом, бил в основном в живот. Раны не сильные, некоторые были довольно легкими, просто порезы. Эксперты считают, что она могла умереть и от потери крови.

– И никто не слышал ее криков?

– Никто.

– Вы же говорили, что у вас есть телекамеры.

– В том отделе их нет. Она работала в техническом отделе, находившемся не в основном здании института.

– Ее изнасиловали?

– Наверное, хотели, но не успели. Но джинсы и нижнее белье было в порядке. Эксперты считают, что насильник не успел ничего сделать. Извините, Сергей Алексеевич.

Архипов сморщился, отвернулся. Прошел к столу, взял ручку, переложил ее с места на место, явно нервничая. И вернулся в свое кресло.

– Кто ведет дело? – продолжая разговор с Михаилом Михайловичем, спросил Дронго.

– Следователь прокуратуры. Но создали общую группу из сотрудников милиции и ФСБ. Возглавляет группу полковник Левитин из ФСБ. У нас ведь закрытый институт.

– Он уже полковник, – пробормотал Дронго, – тогда все понятно. Боюсь, что поиски убийцы затянутся надолго. Или еще хуже, они обвинят вашего охранника.

В этот момент в кабинет вошла супруга академика, которой помогала пожилая домработница. Они быстро поставили три чашки дымящегося чая, нарезанные ломтики бисквита, вазочки с вареньем на стол и молча вышли из кабинета. Здесь не было принято мешать хозяину во время его разговоров.

– Мне казалось, что вы могли бы оказать некоторую неформальную помощь, – объяснил Архипов.

– Попробую, – вздохнул Дронго, – раз уж я решил вас выслушать, то сначала необходимо поговорить с этим Левитиным. Хотя мне очень не хочется беседовать с ним. А он, как я подозреваю, тоже не горит желанием что-то мне рассказывать. Боюсь, Сергей Алексеевич, что это будет самое сложное в нашем расследовании. Мне никто не разрешит смотреть официальные материалы дела и, тем более, вмешиваться в расследование. Ни под каким видом. Думаю, что вы сами это прекрасно понимаете.

– Я мог бы поговорить с руководством ФСБ или прокуратуры, – предложил Архипов. – Мне казалось, что они примут вашу помощь с удовольствием. Возьмите чашку чая.

– Спасибо. Вы хорошо думаете о людях, Сергей Алексеевич. Кому приятно, когда появляется какой-то тип, который указывает вам на ваши ошибки да еще берется сделать за вас вашу работу. Я уж не говорю о том, что это просто юридически неправомерно. Нет, ни с кем говорить не нужно. Мне будет интересно все посмотреть самому. Может, мы сделаем все по-другому.

– Каким образом? – Академик даже не дотронулся до своей чашки.

– Вы можете принять меня на работу в институт. Скажем, помощником Михаила Михайловича. На некоторое время, за которое я смог бы разобраться с убийством в стенах вашего института.

– Это невозможно, – развел руками Архипов, – у нас режимный институт. Чтобы принять кого-то на работу, я обязан получить разрешение ФСБ. Конечно, если это не технический сотрудник.

– Уборщицу вы тоже оформляете с разрешения ФСБ?

– Но вы же не хотите, чтобы я вас брал уборщицей.

– В таком случае, каким образом арестованному охраннику удалось скрыть свою прежнюю судимость?

Архипов снова взглянул на Михаила Михайловича, приглашая ответить на этот вопрос.

– Он при браке взял фамилию жены. А по его собственной судимости не значилось, так как ее формально сняли. Да и проверка была не такой серьезной. Кто сейчас соглашается идти к нам на работу за такую зарплату. Он ведь нанимался обычным дежурным, а не научным

сотрудником, имевшим доступ к секретной информации. Если у меня появится помощник, имеющий доступ во внутренние помещения, то мы обязаны получить согласие ФСБ.

– Ясно, – мрачно заметил Дронго, – а гости у вас бывают? Какие-нибудь ученые, приезжающие к вам в институт из схожих научных центров в самой стране?

– Бывают, но крайне редко. На один-два дня мы можем дать разрешение. Но это делается в исключительных случаях. Да и все равно мы должны информировать ФСБ.

– Вы сильно усложняете мою задачу, – сказал Дронго, обращаясь к Архипову, – я не смогу ничего решить.

– Понимаю. У меня была какая-то почти детская вера в ваши феноменальные способности. Мне казалось, что вы приедете и сразу во всем разберетесь. Извините меня, наверно, это было немного наивно, но такое страшное преступление в стенах нашего института очень сильно подействовало на меня.

– Сколько у вас работает людей в институте?

– Раньше было около восьмисот человек. Сейчас после сокращения примерно пятьсот семьдесят.

– Посторонний мог проникнуть на территорию института?

– Исключено, – впервые без разрешения шефа вмешался Михаил Михайлович, – абсолютно исключено.

– Какую судимость скрыл ваш Паша?

– Грабеж, – хмуро ответил Михаил Михайлович, – хотя ничего страшного не произошло. Мы проверяли, судимость с него была снята. По молодости совершил преступление, потом пошел в армию, судимость с него сняли. Он виноват только формально, в наших анкетах нужно указывать и снятую судимость.

– У него не было доступа во внутренние помещения?

– Нет, конечно.

– А почему он вошел в комнату, где была убитая?

– Он совершал обход, а дверь была открыта. Он не должен был входить, но он, видимо, приоткрыл дверь и увидел убитую. А потом испугался и сбежал. По-человечески его можно понять.

– Вот именно «по-человечески». А Левитин вряд ли мыслит этими категориями. Формально он прав. Скрывший свою прежнюю судимость охранник оставил отпечатки пальцев на двери, где находилась убитая сотрудница. И потом сбежал. Представляю, как бесился Левитин, когда они не могли найти исчезнувшего охранника. И как он торжествовал, когда они его арестовали. Нет, теперь он так просто не отдаст арестованного, пока не докажет, что тот виноват. Когда поступил на работу ваш охранник?

– Примерно полтора года назад.

– У него были враги?

– Нет, конечно. Он был хороший парень. Никаких замечаний, всегда чисто выбрит, всегда вовремя приходил на дежурство.

– А у покойной были враги?

– Нет. Я думаю, что нет, вернее, нам казалось, что нет.

– Перед убийством ничего необычного не происходило?

– В каком смысле?

– Может, появились особенно откровенные журналы или картинки?

– Да нет, наоборот, все как-то успокоилось, мы даже решили, что психопат унялся. А тут вдруг такое...

– Сергей Алексеевич, – вдруг сказал Дронго, – вы ведь меня пригласили не из-за жены этого Паши? Это всего лишь повод объяснить мой вызов. Вы ведь понимали, что жена и ребенок могут ничего не значить. У вас были причины более конкретные?

– Да, – смущенно сказал Архипов, – да, безусловно. Я полагал, что вы все равно поймете. Я не верю в маньяка в моем институте. Не верю в психопата. Я убежден, что эти журналы и эти картинки не имеют ничего общего с убийством, которое совершил посторонний субъект, неизвестно как проникший на территорию института.

При этих словах Михаил Михайлович нахмурился, но не решился спорить с директором. Только мрачно отвернулся.

– Я знаю своих людей, – продолжал Архипов. – Это не всегда уравновешенные, очень эмоциональные люди, среди которых есть немало талантливых ученых. У них могут быть срывы, разного рода истерики, проявление эмоций. Но психопатов-маньяков среди них нет. Я в этом уверен.

– Тогда кто же убил Хохлову?

– Не знаю. Я настаиваю на версии чужого. Среди ученых такого негодяя быть не может.

– В каком смысле – чужого?

– В любом случае это не человек науки.

Михаил Михайлович сидел не двигаясь. Очевидно, что упрек был брошен сотрудникам охраны. Но он не решился спорить с патроном.

– Тогда это Паша или кто-то из его товарищей, – заметил Дронго.

– Я этого не говорил. Почему вы думаете, что у него были напарники?

– Я сказал товарищи, а не напарники.

– Какая разница? Почему вы так решили?

– Может, он действовал не один?

Архипов посмотрел на своего заместителя, тяжело вздохнул и покачал головой:

– Это почти наверняка был не он.

– Но тогда кто?

– Не знаю. И не хочу гадать. Мне неприятно даже предположить, что я здороваюсь по утрам с этим мерзавцем. Поэтому я и прошу вашей помощи, Дронго. Вы представляете себе атмосферу в институте. Все друг друга подозревают, на всех мужчин смотрят подозрительно. В такой обстановке мы просто не можем работать.

– Журналы появились опять? – вдруг спокойно спросил Дронго.

Архипов вздрогнул и посмотрел на своего заместителя. Тот тоже не скрывал своего изумления.

– К-как вы догадались? – заикаясь, спросил академик.

– Вы сами сказали, что хотели обратиться за разрешением в ФСБ. Но вы этого не сделали. А без их разрешения вы не стали бы мне звонить, это очевидно для любого человека, который вас знает. Журналы появились опять, и поэтому вы убеждены, что ваш бывший охранник, даже скрывший судимость, не виноват, а убийца – кто-то другой. Я прав?

– Да, – вздохнул академик, – к сожалению, более чем правы. Вчера ночью у нас снова нашли какие-то скабрзные картинки. И я боюсь, что неизвестный маньяк снова мог решиться на убийство. Хотя сам факт появления этой гадости в стенах института должен был окончательно закрыть вопрос о виновности нашего бывшего охранника.

– Левитин вам отказал? – понял Дронго.

– Он считает, что журналы подбросили специально, чтобы создать алиби арестованному, – угрюмо пояснил Михаил Михайлович, – мы его ни в чем не смогли убедить. Да и журналы были не очень... Обычный «Плейбой», ничего страшного... То есть не такие страшные. Мы нашли их в коридоре.

– Какие-нибудь отпечатки пальцев были?

– Нет. Кто-то просто засунул их за батарею. Некоторые фотографии были порваны, некоторых не хватало. Левитин считает, что все это сделали нарочно, чтобы выгородить арестованного.

– А как вы считаете, Сергей Алексеевич? – спросил Дронго, взглянув на академика.

Тот потер виски характерным жестом, движением указательных пальцев. Потом тяжело вздохнул:

– Речь идет даже не об убийце. Речь идет об огромном коллективе, который распадается на глазах. Нам нужно точно установить, кто этот мерзавец, осмелившийся убить женщину. Найти маньяка и успокоить наших людей. – Он помолчал немного и продолжал: – Мне известно, что вы самый высокооплачиваемый эксперт в мире, и я понимаю, что мое предложение несколько наивно. У нас нет таких денег, чтобы вам заплатить. Но я прошу вас нам помочь.

Дронго молчал. Он смотрел на Михаила Михайловича и молчал. Наконец сказал:

– Я никогда в жизни не занимался поисками маньяков. Но, похоже, этот случай действительно достаточно сложный. Я согласен остаться, Сергей Алексеевич, и помочь в поисках убийцы. И если не хотите меня обидеть, то не говорите больше о деньгах. Если вы еще раз пригласите меня к себе и разрешите посмотреть более внимательно вашу библиотеку, то это будет для меня лучшая награда.

Глава 2

Утром следующего дня Дронго появился в проходной института, попросив дежурного выдать ему пропуск на вход в основное здание к директору института. Дежурный был ошарашен подобной наглостью незнакомца, словно и не подозревавшего, что здесь строгорегимное предприятие. Однако у него хватило здравого смысла позвонить заместителю директора по безопасности, и тут же он с удивлением услышал, как тот кричит, приказывая немедленно пропустить незнакомца посетителя в институт. Дежурный мгновенно выписал разрешение, и через пять минут Дронго уже входил в главный корпус института. Он стоял у лифта, собираясь подняться на четвертый этаж, где находился кабинет директора института, когда увидел спешившего к нему Михаила Михайловича.

– Извините, – бормотал тот, запыхавшись, – мы совсем забыли, что на вас не выписан специальный пропуск. Пойдемте сюда, к лифту. Идите за мной.

– Вы говорили, что у вашего охранника не было допуска внутрь, – напомнил Дронго, когда они вошли в кабину лифта. – А каким образом он мог увидеть погибшую женщину?

– Она погибла не в этом здании, – пояснил Михаил Михайлович, – ее убили в левом здании от входа. Там работают сотрудники технического отдела, и у охранников есть разрешение туда входить. Пройдемте сюда, – предложил он, когда открылись створки кабины лифта.

Они вышли в коридор и прошли до обитых коричневым дерматином дверей приемной. Михаил Михайлович шел впереди. Он открыл дверь, и они вошли в большую просторную приемную, где, кроме привычной фигуры женщины-секретаря, находилась и другая – молодой человек, коротко стриженный, угрюмый, с мрачным видом смотревший телевизор. Увидев незнакомца, он вскочил.

– Все в порядке, – бросил Михаил Михайлович, – Сергей Алексеевич нас ждет.

Секретарша, женщина лет сорока, строго взглянула на неизвестного, но, ничего не сказав, подошла к селектору и коротко доложила:

– Сергей Алексеевич, к вам посетитель, о котором вы говорили. Вместе с Михаилом Михайловичем.

– Да, да, конечно, пусть войдут, – разрешил директор, поспешив к дверям кабинета. Он встретил Дронго, едва тот открыл дверь, протягивая ему руку.

– Спасибо большое, что вы сразу приняли наше приглашение, – взволнованно сказал Архипов. – Мне казалось важным, чтобы именно вы занимались этим чудовищным делом.

– Мне нужно осмотреть место преступления и комнату охранников, – коротко бросил Дронго.

– Да, конечно. Михаил Михайлович проводит вас куда вы посчитаете нужным. Разумеется, кроме лабораторий. Но они, я думаю, не имеют отношения к нашей проблеме.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– В моем институте? – удивился Архипов. – Абсолютно исключено. Коллектив у нас устойчивый, серьезный. Даже когда появились эти журналы, я не мог поверить, что этим занимается кто-то из наших сотрудников.

– Много сотрудников работает в вашем техническом отделе?

– Человек десять, кажется. Но они все вне подозрений. Да и их уже несколько раз проверяли сотрудники ФСБ.

– Мне понадобится список, – попросил Дронго.

– Мы его вам дадим, – пообещал Архипов. Он поднял трубку и попросил секретаря принести список сотрудников технического отдела. И только после этого спросил:

– Что-нибудь еще?

– В каких отношениях были Мастуков, который нашел труп убитой, и сбежавший охранник? Может, они враждовали? Или были друзьями?

Архипов взглянул на своего заместителя. Тот покачал головой.

– Обычные отношения, – сухо сообщил Михаил Михайлович, внутренне осуждая себя. Сплоховал, не проверил досконально столь очевидный факт, – рабочие отношения, – добавил он.

– Я хотел бы поговорить и с ним.

– Это сделать легче всего, – кивнул Михаил Михайлович, – он находится в моем прямом подчинении. Сегодня вечером его дежурство.

– Как фамилия арестованного Паши?

– Мовчан. Павел Мовчан. Судимость с него уже сняли, и формально он был чист. Но по нашим строгим внутренним правилам он обязан был сообщить нам о своей прежней судимости, даже в случае полной реабилитации. Парень этого не сделал, видимо, в решающий момент просто испугался. И попал к нам на работу на свое горе.

– Ваши охранники вооружены?

– Когда заступают на дежурство, то да. Им обычно выдают «наганы» «ТТ» или карабины. Но, убегая из института, Павел не стал брать оружия. Он оставил свой пистолет в комнате дежурных, после чего сбежал. Наверное, чтобы его не обвинили в незаконном хранении или хищении оружия.

– Предусмотрительный, – усмехнулся Дронго, – Это как раз свидетельствует не в его пользу. Если он маньяк и получает удовольствие от насилия, то ему не нужен пистолет. Такие типы обычно орудуют привычным ножом и получают удовольствие от издевательства над беззащитными жертвами.

– Вы серьезно? – испуганно спросил академик.

– Во всяком случае, ни один из известных преступников-маньяков никогда не пользовался пистолетом. Удавка, нож, топоры, другие острые предметы. Прежде чем сегодня появиться у вас в кабинете, я решил просмотреть некоторые свои записи на компьютере и постарался выявить некоторую системность в действиях маньяков. Они получают удовольствие именно от непосредственного контакта с жертвой. Значит, оставленный пистолет не может служить доказательством невиновности вашего бывшего охранника.

– Но журналы появились опять, – возразил Михаил Михайлович.

– Тем более. В институте мог находиться и просто любитель подобной «клубнички», который, возможно, спровоцировал истинного преступника на решительные действия. Кстати, насколько я понял, орудие преступления так и не было найдено?

– Нет, – подтвердил Сыркин.

– Ну вот видите. Уже один подобный факт должен был насторожить следователей, ведущих расследование. И еще один вопрос. Вчера, рассказывая о совершенном преступлении, вы сказали, что ваш второй охранник, Мастуков, вошел в здание, чтобы потушить свет. Где именно? Вообще в здании? Или конкретно в комнате, где было совершено преступление?

– Конкретно – в комнате, – пояснил Михаил Михайлович. – Мы сейчас строго следим за этим. Знаете, какие счета нам приходят за электричество или телефон? Пришлось даже убрать часть аппаратов из кабинетов. И если мы не платим вовремя, нам сразу отключают телефоны или свет. Поэтому мы приказали нашим дежурным строго следить за нерадивыми сотрудниками, которые забывают выключить свет. Мастуков запер входные двери, пошел выключить свет и обнаружил в комнате убитую.

– Но это значит, что предполагаемый убийца сбежал, не выключив свет?

– Получается, что так, – удивился Сыркин, – мы об этом не думали. Ну да, действительно глупо. Как же мы могли не обратить внимания на такой очевидный факт?

– Не совсем очевидный. Если ваш Паша – маньяк, то он вполне мог не обращать внимания на такую незначительную деталь. Хотя маньяки обычно маскируются. Но это в любом случае не доказательство его невиновности, хотя факт интересный.

Вошла секретарь с отпечатанными на листе фамилиями сотрудников. Архипов кивнул, принимая список, и передал его своему гостю. Четырнадцать фамилий – одиннадцать мужчин и три женщины.

– Это все сотрудники технического отдела? – спросил Дронго.

– Да, – кивнул Архипов, – их уже несколько раз проверяли. Ни один из них не задержался на работе после шести вечера. У нас на выходе строгий контроль, и каждый выходящий отмечался у дежурных.

– Обычно работа заканчивается в шесть часов вечера? – уточнил Дронго.

– Как правило, да. Но некоторые отделы работают и до восьми-девяти. А бывало, что сотрудники оставались в институте и на ночь, хотя по правилам это не разрешено, – пояснил Архипов.

– В таком случае мне нужен список людей, которые задержались на работе в тот вечер после шести.

– Конечно, – грустно улыбнулся академик, – будьте любезны, Михаил Михайлович, принесите и этот список.

Сыркин быстро поднялся и вышел из кабинета. Дронго нахмурился, отложил список.

– Судя по вашей улыбке, примерно такой же вопрос вам задавали и следователи ФСБ. А реакция вашего заместителя говорит о том, что и список они проверяли. Я прав?

– Увы, – развел руками Архипов. – Я, честно говоря, думал, что вы предложите что-нибудь более оригинальное.

– Нельзя считать, что в ФСБ и в прокуратуре сидят дилетанты, тем более, когда речь идет о расследовании в таком институте, как ваш. Случись это лет двадцать назад, они бы наверняка проверяли и версию о шпионах и диверсантах, которые решили проникнуть в ваш институт, похитить секреты и заодно убили вашу сотрудницу, имитировав изнасилование.

– Напрасно вы шутите, – усмехнулся Сергей Алексеевич, – мне кажется, что они проверяют и эту версию. Только стесняются в этом признаться. Хотя Левитин, судя по всему, убежден, что убийцей является сбежавший охранник.

– Он знает про появившиеся журналы?

– Конечно, знает. Но даже не захотел разговаривать с Михаилом Михайловичем.

В этот момент в кабинет вошел Сыркин. В руках у него был список сотрудников.

– Двадцать шесть человек, – протянул он список Дронго, – все, кто задержался на работе в тот день после шести. Восемнадцать мужчин и восемь женщин, включая уборщиц.

– Я просмотрю список, – вздохнул Дронго, – а с Левитиным мне все равно придется встретиться. Рано или поздно. Лучше, конечно, рано, пока он не заставил арестованного Мовчана признаться в убийстве. Будет неприятно, если выяснится, что парень действительно не виноват.

– Я могу помочь чем-нибудь еще? – спросил Архипов.

– Завтра, только завтра. Если потребуется, я к вам зайду. А сегодня мне нужно все осмотреть. И, кстати, взглянуть на ваши туалеты, где появлялись эти журналы.

– Михаил Михайлович вам все покажет, – согласился Архипов. Он устало вздохнул. – Может, я напрасно вас беспокоил, – вдруг сказал он, – но в любом случае я хотел бы уверить самого себя, что мы сделали все, чтобы найти убийцу.

– Не смею вам мешать, – Дронго поднялся. – До свидания.

– Успехов, – пожелал ему Архипов, пожимая на прощание руку.

Они вышли из кабинета. Секретарь директора строго смотрела на посетителя. Выйдя из приемной, Дронго спросил у своего спутника:

– Она давно работает у Архипова?

– Кажется, да. Лет двадцать. А почему вы спрашиваете?

– Тогда все в порядке. Я бы не хотел, чтобы слух о моем появлении в институте разошелся раньше, чем я начну осматривать место происшествия.

– Понятно, – улыбнулся Сыркин, – можете не беспокоиться. Она у нас как кремень. Ничего не расскажет.

Они спустились в кабине лифта на первый этаж. Вышли из здания. Технический отдел находился в другом корпусе, расположенном в двухстах метрах от основного, слева от входа. Они прошли двести метров медленным шагом, при этом Дронго все время смотрел в сторону караульного помещения.

– Если идти к зданию днем, то дежурные должны заметить, кто именно туда направляется, – вслух предположил Дронго.

– Вечером тоже, – уверенно заметил Сыркин. – У нас освещается внутренний двор. А после пяти вечера мы обычно включаем освещение.

– Значит, незамеченным никто не мог пройти?

– Конечно, мог. Дежурные должны смотреть не назад, а вперед. Их задача – никого не впускать на территорию института, а не смотреть, кто и куда ходит по двору. Это не входит в их прямые обязанности.

– А осмотр внутри проводится в строго определенное время?

– Точного времени нет, но, по нашим правилам, один из охранников каждые три часа должен обходить и внутреннюю территорию.

– Значит, Павел Мовчан должен был так или иначе осмотреть территорию именно в восемь часов вечера?

– Он, черт побери, не должен был сбегать с места происшествия, – в сердцах бросил Сыркин. – Если бы он не сбежал, все было бы нормально. По нашим правилам, один охранник должен обойти территорию в момент приема дежурства, а потом каждые два-три часа обходить еще раз.

Они дошли до небольшого двухэтажного здания. Двустворчатые двери были открыты.

– Они у вас всегда открыты? – спросил Дронго.

– Всегда, – кивнул Сыркин. – По-моему, они вообще никогда не закрывались. Там нет ничего секретного.

В коридоре пахло сыростью. В некоторых местах была сломана плитка, устилавшая пол. В углу, над лестницей, ведущей на второй этаж, кое-где потрескалась штукатурка. Когда-то белые стены превратились в серые. Очевидно, здесь уже давно не ремонтировали.

– Когда в последний раз здесь красили стены? – поинтересовался Дронго.

– По-моему, года два назад. Или три, – виновато сказал Сыркин. – Нам выделяют очень мало средств. Бюджетное финансирование почти прекратилось, во всяком случае, на внеплановые ремонты денег никто не дает.

– Где произошло убийство?

– В конце коридора. Сначала кабинет опечатали, но потом разрешили в нем работать. Хотя наши женщины боятся теперь туда заходить, и мы используем его как склад.

Они прошли по коридору. Дронго насчитал двенадцать дверей. За некоторыми из них слышались голоса сотрудников двух отделов, работавших на первом этаже здания. Дойдя до нужной двери, Сыркин достал ключи.

– На всякий случай мы держим дверь закрытой, – пояснил он, вставляя ключ в замочную скважину. Дверь со скрипом открылась. Из соседнего кабинета вышли две пожилые женщины.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась одна из них, – Михаил Михайлович, у нас опять случаются перебои с электроэнергией.

– Вы же видите, я занят, – недовольно заметил Сыркин.

Женщины переглянулись, но ничего больше не сказали и пошли к выходу.

– Я думал, здесь бояться даже проходить рядом. Вдруг появятся привидение или даже убийцы, – пошутил Дронго, – а ваши сотрудницы даже не реагируют на появление в коридоре чужого.

– Какие привидения, – вздохнул Михаил Михайлович, – здесь за последние месяцы столько людей побывало.

Дронго вошел в комнату. Последние месяцы она явно использовалась как склад ненужных вещей. Пахло пылью и плесенью.

– Лампочка не работает, – виновато сказал Сыркин, пытаясь включить освещение.

– Здесь всегда вот так грязно? – спросил Дронго.

– Полгода назад было значительно чище, – признался Михаил Михайлович. – Вы хотите еще что-нибудь посмотреть? Или, может, мне лучше принести лампочку. У нас где-то был довольно мощный фонарь.

– Не нужно. Я думаю, что здесь все уже осмотрели. Сейчас мы вернемся к вам в кабинет, и вы мне постараетесь подробно рассказать еще раз обо всем, включая побег вашего бывшего охранника.

– Хорошо, – покорно согласился Сыркин, – расскажу еще раз.

– И дадите мне посмотреть личные дела всех двадцати шести задержавшихся в тот день. И еще два дела – Мовчана и Мاستукова.

– Это не могу, – глухо признался Сыркин, – без разрешения директора не могу. И даже если он разрешит, тоже не могу. У нас в отделе кадров свой особист сидит. Он личные дела никому не дает. Это запрещено. У нас режимный институт.

– В общем, ситуация блеск. Шаг влево, шаг вправо... – невесело улыбнулся Дронго. – Никогда не работал в таких чудовищных условиях. Ладно. Пойдемте к вам, и вы мне снова все расскажете. Может, мы что-нибудь и придумаем. Кстати, где находятся туалеты? Их, кажется, нет на первом этаже.

– И на втором нет. Здесь канализация все время протекала, и мы их закрыли. Давно. Уже два года назад.

– Значит, ваши журналы появлялись в основном здании? – быстро спросил Дронго.

– Точно. И вчера мы их там нашли. В коридоре, прямо на том самом этаже, где сидит Сергей Алексеевич. Поэтому мы сразу и решили обратиться к вам.

Они вышли из комнаты, где было совершено убийство. Дронго повернулся, чтобы еще раз посмотреть на противоположную стену. Михаил Михайлович возился с замком. И именно в этот момент за их спинами раздался чей-то недовольный голос:

– Что вы здесь делаете?

Сыркин вздрогнул, а Дронго усмехнулся, медленно поворачиваясь в другую сторону.

– Не думал вас здесь встретить, – услышал он следующую фразу.

Глава 3

– Я, признаться, тоже не надеялся больше с вами увидаться, полковник, – ответил Дронго.

Перед ним стоял полковник Левитин, возникший в коридоре словно призрак. Собственно, ничего необычного в этом не было. Полковник вместе со своими сотрудниками как раз приехал в институт еще раз посмотреть на место совершения преступления и появился в коридоре как раз в тот самый момент, когда там находились Дронго и заместитель директора. Увидев Дронго, Левитин нахмурился. Он меньше всего ожидал увидеть в закрытом институте эксперта, с которым его уже однажды свела судьба.

Эта встреча не входила и в планы Дронго. Он не хотел, чтобы сплетни о его появлении в институте помешали его негласному расследованию. И уж тем более в его планы не входила встреча с полковником Левитиным. Но ничего уже нельзя было исправить. Полковник увидел, как он выходил из комнаты, где было совершено убийство, и сразу все понял.

– Зачем вы здесь? – неприязненно спросил Левитин. – Я считал, что у вас несколько другая специфика. Вы привыкли спасать мир. Какое вам дело до обычного психопата? – Он явно издевался.

– Если я скажу, что зашел сюда погулять, вы же не поверите? – спросил в своей обычной ироничной манере Дронго.

– Погулять, – передразнил его полковник. – А вы, Михаил Михайлович, очевидно, забыли, что у вас режимный институт и сюда нельзя пускать посторонних без разрешения. Или вы решили, что этот человек сумеет сделать то, чего не могут сделать наши сотрудники? Кто ему разрешил войти? У него нет допуска на подобные объекты.

– У него есть разрешение, – мрачно констатировал Сыркин.

– Кем подписанное? Вами? Решили вспомнить свою молодость, поиграть в детективы?

– Директором, – ответил Михаил Михайлович, закрыв наконец дверь. – И не стоит говорить со мной в таком тоне. Когда я получил полковника, вы были еще лейтенантом. Поэтому оставьте свой тон.

– Я вам ничего еще не сказал, – разозлился Левитин. Один из его сотрудников стоял рядом, и вся ситуация была ему особенно неприятна. – Я лишь собираюсь сказать все, что думаю. И насчет разрешения для этого господина. И насчет его пребывания в этом месте. Комнату, где произошло убийство, показывали ему именно вы, Михаил Михайлович.

– А я не знал, что ее нельзя никому показывать. – Сыркина уже трудно было остановить. Он, очевидно, долго разогревался и так же долго остывал. – Вы сами сказали, что эта комната вам уже не нужна. Сказали еще месяц назад, разрешив использовать ее как склад.

– Хорошо, – примирительно сказал Левитин, – не будем спорить. – Выведите этого человека отсюда. Мы потом продолжим разговор.

– У меня разрешение до трех часов дня. Если хотите, я его вам покажу, полковник, – вставил Дронго. – А как вы здесь оказались? Так уж случайно? Или вы приехали сюда с определенной целью?

– На что вы намекаете?

– Режимный институт, – вздохнул Дронго. – Вам небось успели сообщить, что на территории института появился неизвестный. К хорошему быстро привыкаешь, полковник. Я как-то за эти несколько лет успел отвыкнуть от атмосферы повального стукачества, которую насаждали типы вроде вас. Но, очевидно, на секретных объектах количество сексотов все еще превышает допустимую для приличных учреждений норму. Разве не так?

– Я не хочу с вами дискутировать на эту тему, – поморщился полковник, поворачиваясь к выходу. – До свидания, Дронго. И не нужно вам больше здесь появляться. Это нервирует людей. Вы сами должны все понимать.

Когда он со своим сотрудником вышел из коридора, Дронго взглянул на Михаила Михайловича.

– А вы смелый человек, – улыбнулся он.

– Да я с испугу такой, – отмахнулся Сыркин. – Я просто испугался. Формально он прав. Посторонним на территорию института нельзя входить.

– Чувствую, что мой разговор с Мاستуковым сегодня может сорваться. Да и у вас с Сергеем Алексеевичем будут крупные неприятности. Кажется, мне лучше покинуть территорию института.

– Вы отказываетесь от расследования? – удивился Михаил Михайлович.

– Конечно, нет. Я уйду только после того, как поговорю с Архиповым. Иначе будет просто некрасиво, что я вас бросил. А порядочные люди так не поступают.

– Вы хотите пойти прямо сейчас? – уточнил Сыркин.

– Я думаю, через несколько минут. Нужно дать возможность Левитину высказать все, что он обо мне думает. И дать возможность Сергею Алексеевичу самому принять решение. А уже потом войдем в кабинет, когда он окончательно определится.

– Вы мне начинаете нравиться, – засмеялся Михаил Михайлович, – идемте ко мне в кабинет. Мы сможем пересидеть там несколько минут, пока Левитин будет извергать свое негодование. Признаюсь, его многие не любят в нашем институте. Он слишком правильный, слишком желчный, короче – слишком неприятный тип.

Они вышли из здания. Рядом с Левитиным стоял один из сотрудников. Тот самый, который сопровождал его и раньше. Для следователя у него были слишком невыразительные глаза и грубые черты лица.

– Я вас провожу, – уверенно сказал он.

Михаил Михайлович тяжело вздохнул, растерянно оборачиваясь к Дронго.

– Конечно, – вдруг быстро нашелся Дронго, – только мне нужно отметить мой пропуск у Архипова. Он мне подписывал разрешение. Вот сейчас отмечу пропуск и вернусь обратно.

Сотрудник ФСБ кивнул, Дронго свернул к основному зданию. Михаил Михайлович поспешил следом.

– Быстро вы сориентировались, – восхищенно заметил Сыркин.

– Боюсь, что нам нужно идти сразу к Архипову, – отозвался Дронго. – Судя по всему, мое появление здесь очень обидело Левитина.

– Да, – согласился Михаил Михайлович, – он, по-моему, очень разозлился. Что у вас с ним раньше было?

– Ничего. Если не считать того факта, что я сумел раскрыть преступление раньше целой группы сотрудников, одним из которых был сам Левитин. Вот с тех пор он меня и недолюбливает.

Они вошли в основное здание, снова поднялись на четвертый этаж и прошли к приемной.

– Он вас ждет, – сразу сказала секретарь, едва они появились в приемной.

Сыркин шумно вздохнул и твердо зашагал к двери. Дронго последовал за ним. В кабинете сидел явно расстроенный Архипов. За столом восседал раскрасневшийся Левитин и еще один незнакомый Дронго мужчина лет сорока. Когда они вошли, тот с любопытством уставился на Дронго, но не произнес ни слова.

– Вы еще не покинули территорию института? – разозлился Левитин. – Я же вам объяснил, что это режимное предприятие.

– Послушайте, полковник, – строго сказал Дронго, усаживаясь за столом напротив, – я нахожусь здесь по просьбе моих знакомых. И на вполне законных основаниях. В институтские тайны я вмешиваться не собираюсь. Насколько я помню, совсем недавно мне доверяли в вашем ведомстве куда большие тайны. Неужели вы хотите, чтобы я позвонил прямо отсюда вашему руководству?

– Вы мне еще угрожаете? – вспыхнул Левитин.

– Он прав, – мягко, но твердо сказал Архипов, – это я попросил его приехать. Мне казалось, что нам необходим свежий взгляд. Я думаю, что ничего страшного не произошло.

– У вас опять появились эти журналы, – напомнил Левитин, – а вы говорите, что ничего страшного не случилось.

– Именно поэтому я и попросил приехать нашего гостя. Вы ведь уверены в виновности нашего охранника.

– Бывшего охранника, – напомнил Левитин. – Я думаю, следователь подтвердил, что обвинение почти сформулировано, и мы скоро передадим дело в суд.

Незнакомец, оказавшийся следователем прокуратуры, молчал. Он смотрел на Дронго. Было видно, что тот ему интересен. Но пока он хранил молчание.

– Вот видите, – сказал Архипов, – вы все-таки упорно верите в виновность нашего охранника. А я не могу поверить, что этот молодой человек способен на такое страшное преступление.

– Значит, это сделал кто-то из ваших сотрудников? – задел больное место директора Левитин.

– Не знаю, – растерялся Архипов, – я не знаю.

У Левитина была маленькая голова, явно не пропорциональная его развитому торсу. Прилизанные волосы почему-то вызвали чувство гадливости. Следователь, несмотря на сравнительно молодой возраст, ему было не больше тридцати пяти, уже начал лысеть, зачесывая остатки шевелюры назад, при этом его седые виски особенно бросались в глаза. Обычно они с Левитиным появлялись в институте в штатском, но следователь был всегда одет в немного старомодный двубортный черный костюм, а полковник – в модный серый, с тремя пуговицами.

– Ну вот видите, – торжествуя заметил полковник, – вы сами ни в чем не убеждены, а пытаетесь доказать нам, что арестованный Мовчан не виноват. Вы ведь не знаете всех обстоятельств дела. И тем более не стоило вызывать эксперта. Времена добровольных сыщиков давно прошли. Шерлок Холмс был хорош для девятнадцатого века. Сейчас конец двадцатого, и частные детективы, даже очень гениальные, – ядовито добавил он, – мало что могут.

– Тогда вам тем более нечего опасаться, – вставил Дронго. – Или вы боитесь, полковник, что я снова вас обойду?

Левитин нахмурился, но не стал возражать. Следователь неожиданно решил вмешаться.

– Нет, – сказал он, – лично я не боюсь.

Полковник обернулся, собираясь что-то возразить, но почему-то передумал. Архипов облегченно вздохнул:

– Значит, возражений нет, – сказал он, – и наш гость может остаться.

– Но он не сможет ходить по территории института, – напомнил Левитин, – это запрещено.

– Я был только в том здании, куда разрешается входить даже дежурным охранникам, – парировал Дронго. – Надеюсь, вы это знаете?

– Я все знаю, – отрезал Левитин. – И вообще я больше не намерен говорить на эту тему.

– Вы считаете, что убийцей был арестованный вами Мовчан? – спросил Дронго.

– Вы хотите меня допросить? – нервно уточнил полковник. – Я же вам объяснил, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не рассказываем посторонним лицам о ходе следствия. Неужели вы этого не знаете?

– Я не прошу вас рассказывать мне подробности вашего следствия, – возразил Дронго, – просто я полагаю, что могу оказаться полезным.

– Мы убеждены в виновности Мовчана, – сказал следователь, видя, что Левитин не намерен отвечать на вопросы. – Моя фамилия Климов. Михаил Климов. Советник юстиции. Я много слышал о вас и о ваших аналитических способностях. Но это совсем другой случай. Мы

нашли отпечатки пальцев на ручке двери, на его платке, который валялся рядом, на платье убитой. Это отпечатки арестованного. Улик более чем достаточно. А с журналами просто кто-то решил позабавиться.

– Но если он маньяк, то почему он бросил все и сбежал. Это ведь глупо? – настаивал Дронго. – Такой глупый побег. Он ведь имел судимость, знал, что значит оставлять подобные улики. Отпечатки пальцев повсюду. Почему он оставил свой платок? И даже не выключил свет, выбежав из комнаты. Вам не кажется, что логичнее согласиться с его версией, что он сбежал, попросту испугавшись?

– Вам уже все рассказали, – мрачно бросил Левитин. – Поздравляю, Михаил Михайлович, вы уже успели рассказать обо всем.

– Возможно, что у него был неуправляемый срыв, а потом – спонтанное решение сбежать, – ответил Климов. – Мы не исключаем и такой вероятности. Хотя психиатры полагают, что парень вполне вменяем, просто замкнут и подавлен. Но в его положении это понятно.

– Как вы его взяли?

– Он пытался встретиться со своей женой. Мы установили наблюдение за семьей. В момент встречи мы его и взяли.

– И вы настаиваете на том, что он маньяк? Человек, который не сбежал после таких чудовищных обвинений из города, а пытался увидеться со своей женой?

– Все против него, – возразил Климов, – он собирался предложить жене уехать вместе с ним куда-то в Сибирь. Поэтому и оставался в Москве, ночуя где-то у друзей. Мы проверяем все его показания. Возможно, на нем еще и другие преступления.

Левитин снисходительно усмехнулся и спросил:

– Вы закончили со своими вопросами? И теперь разрешите нам уйти?

– Закончил. Только мне кажется, что вы все равно поторопились со своими выводами. Насколько я понял, охранник, принявший дежурство, обязан был совершить обход. И зачем ему убивать женщину в помещении, где слышны все крики и его могут обнаружить. Если он маньяк, то он должен был подготовиться к этому преступлению. И тем более не оставлять своего платка и отпечатков своих пальцев. Здесь что-то не сходится.

– Это оправдание для адвокатов, – отмахнулся Левитин. – Или вы хотите сказать, что убийцей был кто-то из сотрудников института? Мне остается думать, что маньяк кто-то из ученых, а не имевший судимость охранник? Вы для этого пригласили сюда вашего эксперта, Сергей Алексеевич? – иронично спросил он у директора. – Насколько я помню, вы всегда доказывали мне, что никто из ваших людей не может быть маньяком.

– Я и сейчас так считаю, – ответил Архипов, – но ведь кто-то опять стал хулиганить.

– Мы все проверим, – заверил его Левитин.

– Вы проверили всех, кто был в тот момент в здании института? – спросил Дронго у Климова.

– Всех, – подтвердил следователь прокуратуры, – все девятнадцать мужчин были нами проверены.

– Почему девятнадцать? Да, да, правильно. Вы ведь считаете вместе с Мастуковым. Но ведь в тот вечер на территории института было еще восемь женщин.

– Вы и это знаете, – зло заметил Левитин. – Мне кажется, вам пора работать здесь вместо Михаила Михайловича. Вы обладаете такой информацией.

– Психиатры считают, что женщины не бывают маньяками, – с улыбкой пояснил Климов, – хотя мы проверили на всякий случай и всех оставшихся женщин. Там четыре уборщицы и еще четыре научных сотрудника института – от заместителя директора до младшего научного сотрудника. Но у всех есть твердое алиби. Почти все покинули территорию института в одно и то же время. Сотрудницы раньше, уборщицы позже. Но все вместе. Среди девятнадцати мужчин некоторые ушли позже обычного. Их мы проверяли очень тщательно. Но ни к кому

не смогли придаться. Я думаю, что в вас говорит просто дух противоречия. Я вас понимаю. Иногда самые простые решения кажутся не самыми верными. Но это не тот случай. Убийца был Павел Мовчан, и мы намерены передать дело в суд.

– Мне можно будет почитать дело? – спросил Дронго. – В порядке исключения.

Следователь взглянул на Левитина. Формально полковник был выше его по званию. Советник юстиции соответствовал воинскому званию подполковника. Но юридически следователь считался независимой процессуальной фигурой, способной самостоятельно принимать решения об ознакомлении кого-либо с уголовным делом. Левитин молчал, ожидая решения Климова.

– Хорошо, – сказал наконец следователь. – Вообще-то это у нас не практикуется. Но, учитывая вашу известность, я сделаю исключение. Приезжайте завтра в одиннадцать к нам в прокуратуру, я вам разрешу почитать некоторые наши материалы.

– Спасибо.

– Кажется, нам пора, – недовольно буркнул Левитин, не скрывающий своего раздражения решением следователя.

Он поднялся, взглянул на Климова. Тот остался сидеть за столом, словно размышляя, как ему поступить.

– Вы едете? – недовольным голосом спросил Левитин.

Формально они были из разных учреждений. Но существовало и такое понятие, как корпоративная этика. Следователь кивнул, поднимаясь следом.

– До свидания, – он протянул руку Дронго на прощание.

Левитин вышел, попрощавшись только с Архиповым. На Сыркина он лишь сверкнул глазами. Дронго холодно кивнул. Когда они ушли, Архипов обратился к своему гостю:

– Извините нас, я не думал, что он так быстро все узнает.

– Это вы меня извините. Я, кажется, начинаю причинять вам неудобства, еще ничего не узнав.

– Неужели убийцей был этот молодой человек? – вздохнул Архипов. – Как все это страшно.

– Мы больше не будем вам мешать, – предложил Дронго, – если вы разрешите, мы пройдем в кабинет Михаила Михайловича и немного побеседуем.

– Да, да, конечно, – рассеянно согласился Архипов, – поступайте как считаете нужным.

Глава 4

Кабинет у Сыркина был небольшой, скромный, но уютный. На двух подоконниках стояли рядком цветы в красивых расписных горшках. Поймав взгляд гостя, хозяин кабинета кивнул, улыбаясь:

– Это моя жена расписывает. Она любит цветы. У нас весь дом в зелени, вот я и решил часть сюда переместить. Садитесь, я сейчас попрошу принести чай.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго, – давайте сначала пройдемся по нашим спискам. Как я понял, люди из ФСБ проверяли в основном мужчин. И хотя я пока не знаю, на чем основывается уверенность следователя прокуратуры, но начнем-ка с прекрасного пола.

– Климов прав, – заметил Сыркин, – женщин-маньяков не бывает. Это мне говорили и на моей прежней работе. Вообще не бывает.

– Тогда тем более пробежимся по их списку и перейдем к мужчинам. Кто эти восемь женщин, которые в тот вечер задержались?

– Четыре уборщицы. Они обычно работают по вечерам, когда все уходит. Вообще-то в тот вечер их должно было быть пять человек, но Сойкина не смогла выйти, заболел ребенок. И они работали вчетвером, – Михаил Михайлович поднял телефонную трубку и попросил принести в кабинет чаю.

– Давайте по порядку, – предложил Дронго. – Первой идет Моисеева. Она у вас тоже заместитель директора?

– Да, по науке. Профессор Моисеева, Елена Витальевна. Ей пятьдесят пять лет. Я поверю скорее, что это я совершил убийство, чем Моисеева. Настоящий ученый, прекрасная женщина. У нее немного плохое зрение, она носит очки. Кажется, минус пять. В тот вечер она задержалась в своем кабинете.

– Если вы и дальше будете давать характеристики подобным же образом, то я просто не смогу работать, – засмеялся Дронго. – Вы так охарактеризовали Моисееву, что мне уже не хочется ничего спрашивать.

– Она одержима наукой. Даже замуж не вышла. Есть такие одержимые женщины.

– Согласен. Второй указана Фирсова.

– Да, Людмила Фирсова. Начальник отдела. Очень интересный человек, умница, работает у нас восемь лет. Четыре года назад она потеряла мужа, погиб в автокатастрофе. Она очень сильно переживала. Даже попала в больницу с сердечным приступом. А в прошлом году немного отошла, вышла замуж за нашего сотрудника, руководителя другого отдела – Георгия Зинкова. Вообще-то они давно знали друг друга. Очень интересная женщина.

– Третьей указана Сулахметова.

– Раиса Сулахметова работает у нас уже шесть лет. Старший научный сотрудник. Скромная, отзывчивая женщина. У нее, правда, есть судимый брат, но он сейчас отбывает наказание. Ей тридцать девять лет.

– За что судимый?

– Не знаю. Не интересовался. Кажется, хищение, но все точно записано в ее личном деле.

– Узнайте, пожалуйста, мне интересно, за что именно его посадили. Раз вы все равно не даете мне поработать в отделе кадров.

– Хорошо, – смущенно сказал Михаил Михайлович, делая отметку в своем блокноте, – я сам все проверю. Вы должны понимать наши особенности. Мы действительно не имеем права никого из посторонних знакомить с личными досье на наших сотрудников.

– Вы мне это уже говорили. Я только хотел подчеркнуть, как трудно мне будет работать. Давайте следующую. Четвертой у вас указана Ольга Финкель.

– Младший научный сотрудник. Работает у нас полтора года. Хорошая девочка. Два года назад закончила институт. Она племянница академика Финкеля, близкого друга нашего Сергея Алексеевича.

– Я его знаю, – кивнул Дронго, – остается еще четыре фамилии.

– Это наши уборщицы. Они работают по всей территории. Первая...

– Не нужно представлять каждую. Достаточно если вы назовете мне фамилию той, которая убирала в здании, где было совершено убийство.

– В том-то все и дело, – оживился Сыркин, – там должна была работать в тот вечер Сойкина. Поэтому убитую нашли так поздно. Иначе бы уборщица ее обязательно нашла.

– Ее, конечно, проверяли?

– Еще как, – вздохнул Михаил Михайлович. – Ее проверяли в первую очередь. Но ребенок действительно болел, даже два раза «Скорую» вызывали. Почти сорок температура была. Вообще никакая мать никогда не будет врать насчет своего ребенка. Из суеверия. Женщина может придумать что угодно, только не ложную болезнь своего дитяти из страха, что тот заболит на самом деле. У ее сына была очень высокая температура, это выяснили на следующий день, когда мальчик еще болел.

В этот момент в кабинет вошла молодая девушка с подносом. Высокая, стройная, в вызывающе короткой мини-юбке, красавица была обладательницей маленького носика, темных миндалевидных глаз и модной короткой прически. Девушка сложила в улыбку свои тонкие губки, расставляя чай на столике.

– Это наша Оля, – представил ее Михаил Михайлович.

– Очень приятно, – кивнул Дронго.

– А это наш эксперт. Он знает вашего дядю, – Сыркин показал на гостя.

– И мне приятно, – улыбнулась девушка, выходя из кабинета.

– Красивая, – кивнул Дронго. – Когда в институте узнали, что Сойкина не приедет на работу? Она звонила, предупреждала о своей задержке?

– Да, но она позвонила мне где-то часов в пять. Вообще-то никто не знал, что она не придет. Только я и мой помощник Сережа Носов. Мы подумали, что ничего не случится, если она один день и не выйдет. Я даже Архипову ничего не сказал.

– Понятно. Значит, восемь женщин. А кто были остальные девятнадцать мужчин? Один из них Мاستуков, это я уже понял. А остальные восемнадцать человек?

– Кого только в списке не было, – вздохнул Сыркин, протягивая бумагу. – Вы чай пейте, а то остынет.

– Ничего, – усмехнулся Дронго, – я люблю не очень горячий. У вас в списке указаны все мужчины, начиная с Архипова и вас.

– Да, верно. Я тоже в тот вечер задержался на работе, – подтвердил Михаил Михайлович, – мы с помощником оставались примерно до семи вечера в моем кабинете. Как подумаю, что я мог увидеть убийцу, даже не по себе становится.

– С тем самым Носовым, который знал про Сойкину?

– Да, с ним. Но про Сойкину знал и я.

– Носов никуда не отлучался из вашего кабинета с шести до семи вечера?

– Вы его тоже подозреваете? Кажется, один раз он пошел за документами в свой кабинет, на второй этаж. Но быстро вернулся. Его тоже проверяли.

– Значит, троих я уже знаю, если считать вместе с Архиповым.

– Надеюсь, его вы не подозреваете? – усмехнулся Михаил Михайлович.

– Его пока нет. Впрочем, я не подозреваю и остальных. Просто нет никаких оснований. Кто остальные пятнадцать?

– В основном наши сотрудники. Несколько человек из технического отдела, где работала убитая.

– Давайте пока остановимся на них. Кто именно из технического отдела задержался в тот вечер на работе?

– Корнев, Алексанян, Шунько и руководитель отдела Зинков. Они работали практически в одном помещении. Примерно до половины седьмого. И ушли все вместе. У них сейчас много работы, они часто уходят позже обычного. Вообще у нас люди просто золотые. Им деньги месяцами не платят, а они трудятся на одном энтузиазме. Все очень тяжело переживали смерть Хохловой.

– Они работали вместе с Хохловой?

– Нет, они находились в другом конце коридора. Но никто не слышал ни криков, ни мольбы о помощи. Ничего не слышали. Впрочем, это и неудивительно. У них стоял такой шум. А лаборатория находится за первой комнатой. Сотрудники ФСБ проверяли, оттуда ничего невозможно услышать, даже если в комнате, где убили Хохлову, кричали бы изо всех сил.

В этот момент зазвонил телефон. Сыркин поднял трубку и, выслушав сообщение, нахмурился и сказал:

– Пусть зайдет ко мне.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– Мастуков приехал. Раньше времени. Хочет со мной поговорить.

– Интересно. Вы разрешите мне присутствовать при вашем разговоре?

– Да, конечно. Он сейчас придет. Ваш чай совсем остыл.

Они успели выпить свой чай, когда в кабинет вошел высокий молодой человек лет тридцати. У него были длинные волосы, закрывавшие уши. Чуть вытянутый нос, небольшие глаза, одутловатые щеки.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович, – вежливо поздоровался вошедший.

– Садись, Мастуков. – Сыркин показал на стул. – Ты чего так рано прикатил? Или дело есть?

– Хотел с вами поговорить, – нерешительно начал охранник, взглянув на Дронго.

– Можешь говорить, – понял его взгляд Сыркин, – при нем можно все говорить.

– Я хотел наедине, – упрямо сказал Мастуков.

– А я тебе говорю, что при нем можно, – повысил голос хозяин кабинета, – и кончай темнить. Секреты у него, понимаешь. Говори, зачем пришел?

– У меня к вам личное дело.

– Ну вот и говори про свое личное дело.

– Хотел вам показать вот эту картинку. – Мастуков достал из кармана фотографию и передал ее Сыркину. Тот посмотрел на фотографию, огорченно крикнул и передал ее Дронго. Это была фотография из обычного «Плейбоя». Обнаженная женщина.

– Откуда? – коротко спросил Михаил Михайлович.

– Из мужского туалета. Кто-то «забыл» на подоконнике.

– Когда нашел?

– Два дня назад. Ночью.

– Вот видите, какая гадость, – раздраженно фыркнул Сыркин.

– Держите осторожнее, – предложил Дронго, – там могут быть отпечатки пальцев.

– Не могут, – сокрушенно заметил Михаил Михайлович, – мы проверяли все журналы, которые находили до сих пор. Никаких отпечатков ни разу не нашли. Я даже, используя свои связи, просил проверить в лаборатории на Петровке. Никаких отпечатков.

– Странный маньяк, – задумчиво покачал головой Дронго, – нигде не оставляет отпечатков, словно сознательно вас провоцирует.

– Почему не сказал сразу? – спросил Сыркин у Мастукова.

– Боялся. Думал, опять за меня возьмутся. Два дня мучился. Но потом вспомнил про Пашу. Он ведь тоже боялся и потому сбежал. А его арестовали и до сих пор держат. Вот поэтому и принес это... эти... в общем, эту фотографию.

– А почему вы считаете, что Павел Мовчан ни в чем не виноват? – спросил Дронго.

– Да не убивал он, – упрямо сказал Мастуков. – Я с ним в паре столько ночей вместе провел. Он вообще жену свою очень любил. Не убивал он никого. Напрасно они на него все вешают.

– Раньше журналы были, и к ним цветные картинки. А это какая-то блеклая фотография. Наверно, у подонка просто деньги кончились, – решил Михаил Михайлович.

Дронго посмотрел на фотографию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.